

МАРГАРИТА ХЮГЕ

ИЗМЕНА.

18+

ПРОЩЕНИЯ *не* ЖДИ, ПРЕДАТЕЛЬ

Маргарита Хюгге

Измена. Прощения не жди, предатель

<https://litres.ru/74140547>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать пять лет я была удобной женой.

У меня не было причин жаловаться на жизнь: взрослый сын, успешный муж, уютный дом. Пока в один день всё не рухнуло.

Когда я приехала на место аварии, скорая уже уехала. Я успела только увидеть, как белая машина с мигалкой сворачивает за угол, а я остаюсь здесь, посреди этой бойни. Одна.

Ужас разрывал меня изнутри: Стас, мой мальчик, мой сынок.

В голове пульсировала только одна мысль — надо позвонить Глебу. Он всё решит. Он отец, у него связи, он поднимет всех на ноги.

Абонент недоступен.

Когда я влетала в офис секретарша Леночка преградила мне дорогу:

— Вера Степановна, туда нельзя! У Глеба Борисовича важные переговоры, он строго-настрого приказал...

Я толкнула дверь в кабинет и мой мир раскололся на «до» и «после».

— Глеб, Стас попал в аварию,— только и смогла сказать я.

Авария, реанимация, измена — и вот я уже стою на пороге офиса человека, которого считаю врагом и виновником моих проблем.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	13
Глава 3.	22
Глава 4.	28
Глава 5.	34
Глава 6.	39
Глава 7.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Маргарита Хюгге

Измена. Прощения не жди, предатель

Глава 1.

Я бежала по коридору, и каблуки предательски стучали по мраморному полу, выдавая мою панику. В висках пульсировала одна мысль: Стас, Стас, Стас. Мой сынок. Мой мальчик.

Когда я приехала на место аварии, скорая уже уехала. Я успела только увидеть, как белая машина с мигалкой сворачивает за угол, а я остаюсь здесь, посреди этой бойни. Одна.

Я смотрела на битое стекло, усыпавшее асфальт, на пятна крови — и не могла понять, как это все связано с моим Стасом. С моим мальчиком, которого я еще утром ругала за то, что он не позавтракал.

— Женщина, вам плохо? Присядьте! — чьи-то руки пытались усадить меня в машину. Полицейский. Молодой, испуганный. Наверное, впервые видел мать, у которой только что разбилась жизнь.

Я вырвалась. Вцепилась в его форменную куртку:

— В какую больницу? Скажите мне, в какую больницу его увезли!

Голос был чужой. Хриплый, страшный, не мой. Таким голосом кричат в аду.

— Областная... или первая городская... Надо звонить, уточнять...

Я уже не слушала. Я бежала к машине. Руки тряслись так, что я едва попала ключом в замок зажигания. Телефон — надо позвонить Глебу. Глеб всё решит. Глеб — отец, у него связи, он поднимет всех на ноги. Он найдет, он спасет, он...

Телефон молчал уже полчаса.

Абонент недоступен. Абонент недоступен. Абонент...

Я не помнила, как доехала до офиса Глеба. Наверное, на автопилоте.

Секретарша Леночка поднялась мне навстречу с таким видом, будто я собиралась ограбить офис.

— Вера Степановна, туда нельзя! У Глеба Борисовича важные переговоры, он строго-настрого приказал...

— Пошла вон.

Я даже не замедлила шаг. Просто толкнула дверь.

И мир раскололся на «до» и «после».

Я прожила с Глебом двадцать пять лет. Двадцать пять лет я знала каждую морщинку у его глаз, каждую интонацию, каждый жест. Но такого Глеба я не видела никогда.

Он стоял, вцепившись руками в край стола. Лицо красное, волосы взлохмачены, рубашка расстегнута до пояса. Он смотрел на меня так, будто я была привидением. Призраком из той жизни, которую он только что убил.

А на столе, на его проклятом дубовом столе, где в серебряной рамке улыбался наш сын, лежала женщина.

Она не просто лежала. Она возлежала. Молодая, холеная, с идеальной укладкой, которая каким-то чудом не рассыпалась даже в такой позе. Юбка задралась до пояса, чулки в сетку, дорогое белье. Она смотрела на меня с ленивым любопытством — так смотрят на таракана, случайно выползшего на свет.

— Вера, мать твою, ты с ума сошла?! — заорал Глеб, заслоня собой этот балаган. — Лена, я сказал никого не пускать!

За моей спиной всхлипнула секретарша. А женщина на столе улыбнулась.

Медленно. С ленивым превосходством. Будто мы с Леной были не людьми, а досадной помехой, мухами, которые влетели не вовремя.

— Глеб, не кричи, — промурлыкала она, садясь и даже не пытаясь одернуть юбку. — Вера Степановна, вы извините, что так вышло. Мы просто немного увлеклись. У Глеба Борисовича такой напор, вы же знаете.

В ее голосе не было и тени смущения. Только превосходство. Только победная усмешка самки, которая знает, что сильнее.

Она смотрела на меня сверху вниз, хотя сидела на столе, а я стояла. И в этом взгляде читалось: «Ты старая, ты никто, ты проиграла».

Я сжала дверной косяк так, что ноготь на указательном пальце сломался. Острая боль вернула меня в реальность.

— Стас — выдохнула я.

— Что Стас? — Глеб даже не понял сначала. Он все еще пытался застегнуть рубашку дрожащими руками. — При чем тут Стас?

— Он разбился. На мотоцикле. Его увезли на скорой, — я смотрела прямо в глаза мужу. — Я звонила тебе сорок минут. Сорок минут, Глеб. Твой телефон был выключен.

До него дошло. Лицо вытянулось, стало серым.

— В какую больницу?

— Я не знаю. Я ничего не знаю. Я была на месте аварии и собирала его вещи, пока ты

Я перевела взгляд на девку. Она наконец слезла со стола и теперь поправляла задравшуюся юбку, но делала это так медленно, будто позировала для фотосессии.

— Собери свои вещи и убирайся, — сказала я ей. Голос звучал глухо, чужой голос.

— Конечно-конечно, — она застегнула молнию на боку и поправила волосы. — Вера Степановна, я понимаю, вам сейчас тяжело. Но вы не думайте, Глеб Борисович давно уже не ваш. Просто вы не хотели замечать.

— Заткнись, — рявкнул Глеб, но как-то неуверенно.

— А что такого? — она пожала плечами и подошла к нему, положила ладонь на грудь. — Мы уже год вместе. Ты обещал, что скажешь ей. Вот и говори.

Год. Год они вместе. А я, дура, думала, что у него кризис среднего возраста, что он просто много работает, что устал. Я оправдывала его ночные звонки, его командировки, его равнодушие.

Глеб отдернул ее руку, как будто обжегся.

— Убирайся, я сказал!

— Ладно-ладно, — она усмехнулась, взяла сумочку с подоконника и на прощание обернулась ко мне. — Вера Степановна, вы держитесь. Мужики любят помоложе. Это нормально. Главное — не устраивайте скандалов, не опускайтесь до этого.

И вышла. Просто вышла, цокая каблуками по мрамору, будто ничего не случилось.

В комнате повисла тишина. Глеб стоял посреди кабинета, держа в руках галстук, и смотрел на меня растерянно. Как нашкодивший мальчишка.

— Вера, это не то, совсем не то

— Заткнись.

Я произнесла это тихо, но он заткнулся.

— Сейчас мы едем искать сына. Ты садишься за руль и молча везешь меня по больницам. Если с ним что-то случится, Глеб, пока ты тут развлекался

Я не договорила. Ком встал поперек горла.

— А потом, — я выдохнула и посмотрела на него в упор, — ты подашь на развод. Если не ты, то я. Но лучше сделай это сам. Так будет честно. Хотя бы раз в жизни будь честным.

Я развернулась и пошла к двери. На пороге остановилась, бросила взгляд на фотографию Стаса в рамке. Серебряная рамка, которую я покупала в подарок Глебу на годовщину. Наш сын, счастливый, смеющийся, обнимает отца.

— Вера, подожди! — Глеб застегивал рубашку на ходу, натягивал пиджак. — Вера, ну прости! Я дурак, я идиот, но Стас

— Стас — мой сын, — я даже не обернулась. — А ты теперь никто для меня.

Я вышла в приемную. Леночка сидела за своим столом, делая вид, что печатает. Щеки у нее горели, пальцы дрожали над клавиатурой.

— Лена, — сказала я почти спокойно. Она вздрогнула. — Если вы знали об этом, вы такая же мразь, как и он.

Я не стала ждать ответа. Пошла к лифту, и каждый шаг отдавался в висках глухой болью. В груди было пусто и холодно, будто вместо сердца теперь зияла черная дыра. На руках еще осталась кровь — я видела эти темные разводы на пальцах, въевшиеся под ногти. Кровь моего мальчика. Я терла пальцы, пытаясь стереть, но она будто присохла намертво.

Господи, только бы он выжил. Только бы я успела сказать ему, как сильно люблю. Только бы он открыл глаза.

Глеб догнал меня в лифте. Мы спускались в полной тишине. Он смотрел на дверь, я — на его отражение в зеркальной поверхности. Чужой человек. Совершенно чужой.

— В какую больницу едем? — спросил он, когда мы вы-

шли на парковку.

— Я не знаю. Звони во все.

Я села в машину и захлопнула дверь. Руки тряслись так, что я даже не пыталась их унять. Просто сжала их в кулаки и спрятала под мышки, будто это могло помочь.

Глеб сел на водительское сиденье и начал обзванивать больницы.

Я слышала его голос где-то на периферии, но слова не складывались в смысл. Я смотрела на свои руки. Пальцы дрожали крупной дрожью, хотя я сжимала их так сильно, что ногти впивались в ладони.

Глеб что-то орал в трубку, требовал соединить с главврачом, угрожал, обещал проблемы. Я слушала его и думала: как странно. Еще утром я считала его опорой. Человеком, на которого можно положиться. А теперь он просто мужчина с трясущимися руками, который пытается исправить то, что уже не исправить.

Не исправить той сцены на столе. Не стереть из памяти улыбку той девки. Не вернуть час назад, когда я стояла на пустой дороге и смотрела, как сворачивает за угол скорая с моим сыном.

— Нашел! — Глеб резко обернулся ко мне. — Первая городская, реанимация. Тяжелый, но живой. Операция идет.

Я закрыла глаза. Слезы хлынули сами собой — горячие, соленые, злые. Я не всхлипывала, не рыдала. Просто сидела и плакала молча, размазывая слезы по щекам.

Глеб тронул меня за плечо:

— Вер, я все исправлю. Я уволю ее, порву все связи, мы начнем сначала

Я открыла глаза и посмотрела на его руку. На пальце блестело обручальное кольцо. Такое же, как у меня.

— Убери руку, — сказала я. — Ты опоздал. На двадцать пять лет опоздал. Поехали к сыну.

Он убрал руку. Завел машину. Мы выехали с парковки, и в зеркале заднего вида я видела, как из дверей офиса выходит та девка. Садится в красную иномарку, поправляя волосы.

Год. Целый год моей жизни, которую я не верну.

Но я верну себе все остальное. Я поклялась себе в этом. Я верну себе сына, верну себе имя, верну себе достоинство. А Глеб Борисович пусть катится к чертям. Со своей Леной, с этой стервой в красной машине, со всем своим враньем.

За окном проплывал город. Люди спешили по своим делам, смеялись, разговаривали по телефону, пили кофе на ходу. Мир не рухнул. Мир продолжал жить, пока мой мальчик лежал где-то на операционном столе, а врачи боролись за его жизнь.

Мы въехали во двор больницы. Я вышла из машины и пошла к двери, не оглядываясь. Белые стены, запах лекарств.

Позади осталась моя старая жизнь. Впереди была неизвестность. Я ещё не знала, какой она будет. Я не знала, выживет ли Стас, не знала, как жить дальше с этим грузом предательства и боли.

Глава 2.

Я сидела на пластиковом стуле в коридоре реанимации и смотрела на зеленую стену. Сколько прошло времени? Час или два? Я потеряла счет.

Где-то за этими дверями боролись за жизнь моего мальчика, а я сидела и смотрела на стену, потому что если закрыть глаза, я снова увижу ту девку на столе.

Глеб принес кофе. Поставил рядом, сел напротив.

— Вер, ну выпей хоть кофе.

Я молчала.

— Вер, я все понимаю. Я козел. Но давай сейчас не об этом. Стас главное.

Я перевела на него взгляд. Для сорока семи лет он выглядел отлично — подтянутый, ухоженный, седина только тронула виски, глаза все с той же хитринкой. Дорогой костюм сидел идеально, даже после всей этой суматохи. Мужик хоть куда. Двадцать пять лет назад я смотрела на него и думала: вот оно, счастье. А теперь смотрела и думала: кто ты, чужой человек?

— Ты спишь с ней год, — сказала я тихо. — Год, Глеб. Ты каждый день приходил домой, целовал меня в щеку, спрашивал, что на ужин, ложился в нашу постель. И все это время у тебя была она.

— Вер, я

— Не ври. Хотя бы сейчас не ври. Я не хочу слышать твое враньё. Я все видела своими глазами.

Он замолчал. Отвернулся к стене.

Время шло долго. Очень долго. Я сидела и смотрела на закрытую дверь. Глеб ходил взад-вперед, пил кофе из автомата, снова ходил, что-то говорил про то, что надо звонить знакомым, про то, что он все уладит.

Я молчала.

Наконец дверь открылась. Вышел уставший мужчина в зеленой хирургической форме — лицо серое, под глазами мешки. Наверное, тот самый, кто оперировал.

— Родственники Стаса? — спросил он, глядя куда-то поверх нас.

— Я мать, — вскочила я. — Как он?

Врач перевел на меня усталый взгляд, задержался на секунду, словно оценивая, выдержу ли я.

— Жить будет. Операция прошла успешно, но состояние тяжелое. Сейчас он спит, под наркозом. Мы сделали все, что могли.

Я выдохнула. Впервые за последние часы я выдохнула по-настоящему.

— Можно к нему? — спросила я, уже делая шаг к двери.

Врач покачал головой. Жестко, но без жестокости — так смотрят на детей, которым объясняют, что шоколадку прямо сейчас нельзя.

— Нет. Реанимация — не место для посещений. Тем бо-

лее после такой операции. Ему нужен полный покой. Никаких посетителей, даже самых близких.

— Но я же мать! — вырвалось у меня. — Я тихо, я просто посижу рядом...

— Понимаю, — перебил он мягко, но твердо. — Очень хорошо понимаю. Но сейчас он под аппаратами, под постоянным наблюдением. Любое лишнее движение, любой звук, даже ваше присутствие — это нагрузка на организм. Ему нужно просто лежать и спать. Чем меньше раздражителей, тем быстрее пойдет восстановление.

Глеб шагнул вперед, встал рядом:

— Доктор, я отец. Может, хоть на минуту? Мы тихо...

Врач перевел взгляд на него. Усталый, спокойный, непробиваемый.

— Я сказал — нельзя. Никому. Поверьте, я понимаю ваше состояние. Но сейчас самое важное — чтобы он просто выжил и оклемался. А для этого ему нужен покой. Абсолютный.

Он помолчал секунду и добавил уже мягче:

— Если динамика будет положительной, через пару дней переведем его в обычную палату. Вот тогда и сможете сидеть рядом сколько захотите. Днем и ночью. А пока — только через стекло, если очень надо.

Я сглотнула ком в горле. Через стекло. Смотреть на своего ребенка через стекло, как в зоопарке.

— Где это стекло? — спросила я тихо.

Врач кивнул в сторону коридора:

— Третья дверь налево. Там окно в реанимационный зал. Можете увидеть его. Но только издалека.

Я развернулась и пошла. Глеб двинулся за мной, но я даже не обернулась.

Стекло оказалось мутноватым, с легкой рябью — чтобы пациентов не беспокоил свет из коридора. Я прижалась лбом к холодной поверхности и всматривалась внутрь.

Там, в полумраке, среди пищащих приборов и переплетений проводов, лежал мой мальчик. Маленький, бледный, чужой в этом белом безмолвии. Рядом с ним сидела медсестра, что-то проверяла на мониторах, поправляла капельницу.

Я смотрела и не могла оторваться. Просто стояла и смотрела, как он дышит. Грудь поднималась и опускалась — значит, живой. Значит, дышит. Значит, есть надежда.

Сколько я так простояла — не помню. Минуты, часы. Время исчезло. Остался только этот ритм — вдох-выдох, вдох-выдох, и писк приборов за стеклом.

Глеб подошел сзади, встал за спиной. Молчал. Тоже смотрел.

— Вера, — сказал он наконец тихо. — Я все исправлю. Я найду деньги, я...

Я не обернулась. Не ответила. Только смотрела на сына и слушала, как дышит аппарат ИВЛ.

— Иди отсюда, Глеб, — сказала я тихо. — Иди. Мне нечего тебе сказать.

Он постоял еще минуту, потом развернулся и отошёл в сторону.

Я села на стул. Глеб сел рядом, попытался взять за руку. Я убрала руку.

— Не надо.

— Вер, ну сколько можно? Я признал, я виноват. Что мне сделать, чтобы ты простила?

— Развестись.

— Ты серьезно? Из-за одной ошибки?

Я посмотрела на него. В упор.

Мне хватило одного взгляда, чтобы увидеть: он правда не понимает. Для него это действительно просто «одна ошибка». Как будто он разбил чашку или забыл купить хлеб.

— Год, Глеб. Это не ошибка. Это выбор. Ты сделал его год назад. И делал каждую ночь, когда ложился ко мне в постель после нее. Так что не надо про ошибку.

— Вера... может, нам сходить к психологу? Я готов...

— А я нет, — сказала я уже подымаясь со стула — Я сама могу поставить тебе диагноз и мне для этого не нужны никакие психологи. «Хроническое обесценивание» с твоей стороны. Так что лечение бесполезно. Ампутация — единственный выход.

Я развернулась и пошла к выходу из отделения. Надо было выдохнуть и проветрить голову. Мне казалось, еще минута — и я задохнусь, от всего этого.

Я вышла на крыльцо и холодный воздух ударил в лицо,

но легче не стало. Перед глазами все еще стояла та картина: Глеб, прикрывающий собой голую девуцу на столе, и эта тварь, которая лежала и улыбалась. Улыбалась мне, пока я стояла с кровью сына на руках.

Я оперлась о перила и попыталась сделать глубокий вдох, но дышать было тяжело.

Год. Она сказала — год. Целый год мой муж спал с этой девкой, дарил ей цветы, водил в рестораны, пока я сидела дома и ждала, когда у него закончится этот дурацкий "кризис среднего возраста". Я придумывала ему оправдания. Устал, перерабатывает, мужчинам в его возрасте нужна поддержка. Я жалела его, дура. Я кормила его ужинами, заказывала ему рубашки, покупала лекарства для его больной печени.

А он в это время...

Интересно, он говорил ей те же слова? "Любимая", "родная", "ты у меня самая лучшая"? Интересно, она знает, что у него язва и ему нельзя острое? Знает, что он храпит по ночам и ворочается? Знает, что боится летать на самолетах и терпеть не может манную кашу?

Или она знает его совсем другим? Тем Глебом, которым он был со мной двадцать пять лет назад, когда еще умел любить? Тем, который дарил цветы без повода и мог посреди ночи поехать за клубникой, потому что мне захотелось?

Я зажмурилась, пытаюсь остановить этот поток. Не помогло. Теперь перед глазами стояла другая картина: Глеб с этой девицей под руку на каком-то корпоративе. Глеб, который

представляет ее коллегам как "свою спутницу". Глеб, который целует ее при всех, не прячась.

А я? Я буду сидеть у постели сына, если он вообще выживет. Я буду одна.

— Господи, — выдохнула я в пустоту. — За что?

Никто не ответил. Только ветер трепал полы моего пальто и доносил из раскрытого окна больницы чей-то плач. Кто-то тоже терял сегодня свое счастье.

И тут я увидела, что у входа в больницу, стоял тот самый врач. Он курил, глядя в небо, и, кажется, вообще ни о чем не думал — просто смотрел в серое больничное небо и выпускал дым.

Я подошла ближе, оперлась о перила. На улице было холодно, но я даже не чувствовала. Пустота внутри согревала лучше всякой одежды.

— У вас сын сильный, — сказал он наконец. — Молодой организм. Выкарабкается. Я таких операций много провел, поверьте.

— Я знаю, — кивнула я. — Он всегда был бойцом. С детства.

— А вы держитесь, — он посмотрел на меня внимательно, с каким-то странным сочувствием. Не жалостью — именно сочувствием. — Матерям тут тяжелее всех. Отцы обычно бегают, суетятся, звонят, требуют. А матери просто сидят и ждут. Это самое страшное — ждать.

Я промолчала. Сказать было нечего. Он прав — ждать бы-

ло невыносимо.

— Я Игорь Николаевич, — сказал он. — Но можно просто Игорь.

— Вера Степановна, но можно просто Вера, — сказала я, пытаюсь улыбнуться — Спасибо вам, Игорь. За сына. За то, что вытащили.

Он покачал головой:

— Не за что. Это моя работа.

Я посмотрела на него. Вблизи он оказался симпатичным. Серые глаза, ранняя седина на висках, спокойные руки.

— У вас дети есть? — спросила я.

— Была дочь. Погибла пять лет назад. Авария.

Я замерла.

— Простите. Я не знала.

— Откуда вам это знать? — он пожал плечами. — Я поэтому в реанимации и работаю. Чтобы спасать. Других спасать.

Он затушил сигарету и ушел в больницу.

Я смотрела ему вслед, и внутри все переворачивалось.

Была дочь. Погибла. Пять лет назад.

А я сейчас здесь, с сыном в реанимации, и схожу с ума от страха его потерять. А он уже прошел это. Он уже потерял. И теперь каждый день заходит в операционную и спасает чужих детей. Спасает, потому что не смог спасти свою.

Господи, как люди это выдерживают?

Я опустилась на скамейку у входа, потому что ноги пере-

стали держать. Холод пробирал до костей, но я не чувствовала. В голове была каша из мыслей, обрывков, картинок.

Я поднялась со скамейки и пошла в больницу. Внутри было пусто и холодно, но я знала, что это ненадолго. Скоро пустоту заполнит боль. А за болью придет злость. А за злостью — решение.

Я не знала еще, какое именно. Но знала точно: прежней Веры больше нет. Ту Веру, которая верила, ждала и прощала, они убили сегодня. За час, когда я стояла на пустой дороге с осколками под ногами, а мой муж занимался любовью со своей любовницей на столе рядом с фотографией сына.

Теперь это будет другая Вера. Какая — посмотрим.

Глава 3.

Я вернулась в отделение. Глеба в коридоре не было и мне было все равно где он.

Я села на свой стул. Села и уставилась в стену. Глаза щипало от усталости, тело ломило, но внутри было пусто. Абсолютная, звенящая пустота.

В голове не было мыслей. Совсем. Только белая стена перед глазами и тишина в ушах. Я даже не слышала, как мимо ходят медсестры, как где-то в конце коридора разговаривают люди, как работает телевизор в холле. Я просто сидела и смотрела.

Минут через десять (или через час? я потеряла счет времени) рядом со мной остановилась медсестра. Молоденькая, с добрым лицом и усталыми глазами.

— Вера Степановна, — сказала она тихо, присаживаясь на корточки рядом со мной, чтобы заглянуть в глаза. — Идите домой.

Я моргнула. Попыталась сфокусировать взгляд на ее лице.

— Что?

— Домой идите, — повторила она мягко, но настойчиво. — Сегодня уже ничего не изменится. Операция позади, он под наблюдением, врачи рядом. А вы тут сидите и просто убиваете себя.

— Я не могу уйти, — мой голос прозвучал хрипло, чужо.

— А если он проснется? Если позовет?

— Не позовет, — медсестра покачала головой. — Он сейчас под хорошими препаратами, будет спать минимум до утра. А может, и дольше. Ему нужен сон, чтобы восстановиться.

Она взяла меня за руку — теплой, сухой ладонью.

— Послушайте меня, Вера Степановна. Я много такого видела. Матери, которые сутками сидят в коридоре, к утру сами в реанимацию попадают. Сердце сдает, давление скачет, нервы — в ноль. А сыну вашему завтра понадобится сильная мать. Которая сможет его поддержать, поговорить с врачами, решения принимать. А не труп с красными глазами, который от усталости падает.

Она говорила правильно. Все правильно говорила. Но внутри что-то отчаянно сопротивлялось — уйти, оставить его здесь одного, среди этих пищавших приборов и чужих людей.

— А вдруг...

— Никаких вдруг, — перебила она твердо. — Я лично буду рядом всю ночь. Если что-то изменится — я позвоню. Обещаю. Дайте мне свой телефон.

Я послушно продиктовала номер. Она записала в свой блокнот.

— Вот видите, — улыбнулась она. — Теперь вы на связи. А сами идите. Поешьте нормально, поспите, примите душ. Завтра вернетесь — и будете ему нужны.

Я смотрела на нее и вдруг поняла, что глаза у нее совсем молодые, но в них столько усталости и мудрости, сколько не у всякой старухи бывает. Сколько ей? Двадцать пять? Двадцать семь? А уже научилась говорить такие слова матерям в коридоре.

— Спасибо, — выдохнула я. — Как вас зовут?

— Света, — она улыбнулась шире. — Но вы не благодарите. Это моя работа. Идите, Вера Степановна. Правда идите. Я позвоню, если что.

Я поднялась. Ноги затекли, спина ныла, голова кружилась. Наверное, я действительно выглядела не лучше, чем те несчастные, которых привозят на скорой.

— Светлана, — сказала я на прощание. — Вы хорошая.

— Я знаю, — она усмехнулась. — Мне мама говорила.

Я пошла к выходу, но на полпути обернулась. Света уже сидела за своим постом, что-то писала в журнале. Обычная медсестра в обычной больнице, которая каждый день видит чужую боль и все равно остается человеком.

На улице было холодно. Ночь, звезды, тишина. Я стояла на крыльце и смотрела в небо, пытаюсь найти хоть одну знакомую звезду. Не нашла. Но легче почему-то стало.

Стас жив. Врачи рядом. Завтра я вернусь.

Я стояла, сжимая в руках сумку, и смотрела на ночной город, не понимая, куда идти.

Глеб. Дома Глеб.

Эта мысль обожгла, как пощечина. Я одно знала точно:

видеть его я не хочу. Не могу. Не сейчас.

В груди закипала знакомая, выматывающая боль. Если я войду в ту дверь, увижу его вещи, его лицо, вспомню, что еще вчера мы завтракали вместе... я сломаюсь. А ломаться нельзя. Стасу нужна сильная мать. Я должна держаться.

Я достала телефон. Экран светился в темноте, высвечивая список контактов. Глеб. Стас. Ленка. Ленка.

Палец замер над ее именем.

Лена. Моя лучшая подруга. Мы дружили с седьмого класса — это почти сорок лет, если подумать. Вместе красили губы перед дискотеками, вместе плакали из-за первой любви, вместе поступали в институты. Она держала мою руку, когда я рожала Стаса, а я держала ее, когда хоронили ее маму. Мы знали друг о друге все — ну или почти все.

Ленка никогда не задавала лишних вопросов. Не лезла в душу, если я не хотела говорить. Просто была рядом. И сейчас, когда мой мир разлетелся на осколки, мне нужно было именно это — просто быть рядом с тем, кому не надо ничего объяснять.

Я нажала вызов.

Она ответила после второго гудка — будто ждала.

— Вер? Ты чего так поздно? — голос сонный, сиплый, но уже встревоженный. — Что случилось?

— Лен, — выдохнула я, и голос дрогнул. — Я... можно я приеду?

Пауза. Секунда, две. А потом:

— Ты где?

— У больницы стою.

— Лови такси и дуй ко мне. Быстро. Чай поставлю. Жду.

— Лен, я...

— Никаких я. Приезжай, — она зевнула и добавила уже теплее: — Поговорим. Или молчать будем. Как захочешь. Просто приезжай.

Я нажала отбой и улыбнулась. Впервые за этот бесконечный день — улыбнулась.

Ленка.

Странно, подумала я, в этом мире, где рушится все, что казалось вечным, где муж оказывается предателем, а любовница наглой стервой, вдруг находятся такие люди. Медсестра Света. Врач Игорь, который потерял дочь. Ленка, моя подруга, готовая принять меня среди ночи.

Такси поймалось быстро, будто сам город пожалел меня и подогнал машину. Я села на заднее сиденье, назвала адрес и откинулась на спинку. За окном проплывали огни, люди, дома — чужая, спокойная жизнь, в которой у матерей не лежат в реанимации сыновья, а мужья не спят с любовницами на рабочих столах.

— Тяжелый день? — спросил таксист, пожилой мужчина с усами, глянув в зеркало заднего вида.

— Очень, — ответила я коротко.

Он кивнул и больше не приставал. Умный человек. Спасибо ему.

Мы остановились у старой хрущевки на окраине. Я расплатилась, вышла и вдохнула знакомый воздух — здесь пахло детством, беззаботностью, временем, когда все было просто. Ленкин двор, Ленкины тополя, Ленкина скамейка под окнами.

Ленка. Единственный человек, к которому я могла прийти среди ночи. Которая не спросит лишнего, не осудит, просто нальет чаю и будет молчать рядом, если нужно молчать. Или говорить, если нужно говорить.

Я поднялась на знакомый третий этаж и нажала кнопку звонка. За дверью зашаркали тапки, лязгнул замок, и на пороге появилась Ленка — в старом халате, с растрепанными после сна волосами и с испуганным лицом.

— Вер? Ты чего? Среди ночи? — она моргнула, вглядываясь в мое лицо, и вдруг осеклась. — Господи, что случилось? Ты белая как мел. Заходи быстро!

Глава 4.

Я перешагнула порог, и меня накрыло. Стены поплыли, пол ушел из-под ног, и я повисла на Ленкиной шее, вцепившись в ее халат мертвой хваткой.

— Лен Леночка — только и смогла выдавить я.

— Тише-тише, — она прижала меня к себе, прикрыла дверь ногой и повела в комнату, как маленькую. — Идем, идем, сядем. Сейчас чай сделаю горячий.

— Стас, — выдохнула я, когда мы плюхнулись на ее старый диван. — Стас разбился на мотоцикле.

Ленка побелела. Рука метнулась к сердцу.

— Господи Иисусе Жив?

— Жив. Я из больницы только что.

— Ну слава богу, слава богу, — она перекрестилась быстро, на автомате, и слезы блеснули у нее на глазах. — А чего ты одна? Глеб где? Почему не с тобой?

Я посмотрела на нее. И тут прорвало. Не просто слезы — настоящий поток, с криком, с хрипами, с какой-то животной болью, которая рвалась наружу и не могла остановиться.

— Он с любовницей был, Лен. Я прибежала к нему в офис, а он он на столе с этой с этой дрянью А я с кровью Стаса на руках стою, а она мне улыбается и говорит: «Мы уже год вместе».

Ленка смотрела на меня и не верила. Я видела, как в ее

глазах надежда сменяется ужасом, а ужас — гневом.

— Год? — переспросила она тихо. — Целый год?

— Год.

Она встала, прошлась по комнате, схватилась за голову. Потом остановилась, посмотрела на меня и вдруг выдохнула.

— Вот сука Прости, Вер. Я знаю, он твой муж, но какая же сука!

— Он не мой муж, — ответила я. — Уже нет.

Ленка метнулась на кухню и вернулась с двумя стаканами и початой бутылкой коньяка — той самой, что мы открыли на Новый год. Плеснула щедро, почти до краев.

— Пей, — сказала коротко. — За Стаса. Чтобы поправился.

Я выпила. Обожгло горло, ударило в голову. Легче не стало, но внутри появилась какая-то точка опоры.

— Я не знаю, что делать, Лен, — прошептала я. — У меня внутри все умерло. Я на него смотрела и не узнавала. Двадцать пять лет. Четверть века. И все — ложь?

— Не все, — Ленка села рядом, взяла мою руку в свои. — Стас — не ложь. Ваши годы — не ложь. Ты — не ложь. Это он оказался фальшивкой. А ты настоящая. Ты всегда была настоящая.

— А вдруг я не справлюсь? Вдруг Стас вдруг он не встанет? Вдруг я останусь одна?

Ленка притянула меня к себе, обняла крепко-крепко, как в детстве, когда мы прятались под одеялом и шептались о

мальчишках.

— Слушай сюда, — сказала она жестко. — Ты не одна. Поняла? Я здесь. Я всегда здесь. Мы вместе детский сад пережили, школу, институт, твою свадьбу, похороны моего мужа, роды, болезни, все. И это переживем.

Я уткнулась носом в ее плечо и разревелась. Плакала долго, навзрыд, размазывая слезы по Ленкиному халату. А она гладила меня по голове и приговаривала:

— Плачь, плачь. Это правильно. Слезы очищают. А завтра будем думать, что делать.

— Лен — всхлипнула я. — Я так устала.

— Знаю, родная. Знаю.

Мы сидели так долго. Потом Ленка встала, принесла плед, укрыла меня и ушла на кухню — греть чай. Я слышала, как она гремит чашками, как зажигает газ, как бормочет что-то под нос. Ругается, наверное. На Глеба. На судьбу. На весь белый свет.

А я лежала на ее старом диване, под старым пледом, и вдруг поняла: как хорошо, что она есть. Как хорошо, что есть хоть один человек, к которому можно прийти среди ночи, уткнуться носом в плечо и не бояться, что осудят.

Ленка вернулась с кружкой горячего чая, сунула мне в руки.

— Пей. С мятой. От нервов.

Я сделала глоток. Мятный вкус обволок горло, успокаивая.

— Лен, — сказала я тихо. — Спасибо.

— Заткнись, — ответила она. — Завтра наорешь на меня, когда я тебе скажу, что надо идти к адвокату. А сегодня просто пей чай и отдыхай.

— Я не усну.

— Уснешь. Я рядом посижу.

Она села в кресло напротив, поджала под себя ноги и уставилась на меня своими внимательными, добрыми глазами. И в этом взгляде было столько тепла, что я почти поверила: все будет хорошо.

С этими мыслями я и провалилась в сон. Но он оказался тревожным, липким, как паутина. Мне снилась кровь на асфальте, снился стол с голой девкой, которая все так же лениво улыбалась, снился Стас, весь в трубках, и Глеб, который смотрел куда-то мимо. Кадры мелькали, смешивались, наваливались друг на друга.

Я то проваливалась в темноту, то выныривала из нее. Несколько раз просыпалась от собственного всхлипа — мокрая подушка, колотящееся сердце и Ленкин голос откуда-то издалека: «Тише, тише, я рядом». Иногда просто вскрикивала во сне и тут же зажимала рот рукой, чтобы не разбудить подругу. Но она все равно слышала.

Утро ворвалось в комнату тонким лучом солнца, пробившимся сквозь щель между шторами. Я полежала еще несколько минут, прислушиваясь к тишине. Ленкина квартира никогда не была по-настоящему тихой — старые тру-

бы гудели, холодильник на кухне периодически вздрагивал и начинал тарыхтеть, за стеной у соседей лаяла собака. Но сейчас этот привычный шум казался уютным, почти родным.

— Проснулась? — Ленка заглянула в комнату, уже одетая в домашние спортивные штаны и растянутый свитер, волосы стянуты в небрежный пучок. — Давай завтракать.

Я села на диване, приглаживая спутанные волосы.

— Сергей уже ушел? — спросила я, вспомнив, что Ленкин гражданский муж обычно завтракает рано.

— Ага, еще в семь утра упорхнул, — Ленка махнула рукой в сторону кухни. — У него там какие-то переговоры с утра пораньше. Я ему вчера сказала, что ты поживешь у нас, он только обрадовался. Говорит, хоть мне веселее будет, а то я на него постоянно ворчу.

Я улыбнулась. Сергея я знала лет пять — он появился в Ленкиной жизни неожиданно, как-то незаметно прижился и стал своим. Спокойный, надежный, без лишних понтов.

— Ну идем, — Ленка потянула меня за руку. — Блины буду жарить. Ты любишь с маслом или со сметаной?

На кухне уже вовсю шипела сковорода, чайник закипал, на столе стояла вазочка с домашним вишневым вареньем

Я села на табуретку и наблюдала, как подруга ловко переворачивает блины, болтает без умолку о какой-то ерунде: что вчера в «Пятерочке» скидки были на сыр, что сосед сверху опять заливал, что у Петьки в Москве все хорошо, передавал привет.

Простое человеческое утро.

Я поймала себя на мысли, что дышу глубже, чем вчера.

— Лен, — сказала я, когда она поставила передо мной тарелку с горой блинов. — А как ты поняла, что Сергей — твой человек?

Ленка замерла на секунду с чайником в руках, потом поставила его на стол и села напротив.

— Знаешь, Вер, — она задумалась, теребя край свитера. — Когда с ним просто. Не надо играть, не надо казаться лучше, чем ты есть. Можно быть уставшей, злой, некрасивой по утрам, а он все равно смотрит и говорит: «Ты моя зайка». И ты веришь. Потому что глаза не врут.

Я улыбнулась и откусила блин. С вишневым вареньем, как в детстве.

А потом я поехала в больницу.

Глава 5.

В коридоре сидел Глеб. С красными глазами, небритый. Увидел меня — вскочил, загородил дорогу.

— Вера, можно поговорить?

— Нет.

Я шагнула в сторону, но он схватил за руку.

— Вера, пожалуйста. Я всю ночь не спал. Я думал...

— О чем ты думал, Глеб? — Я выдернула руку. — О сыне? Или о том, как тебе теперь разрываться между больницей и своей шлюхой?

— Ее больше нет. Я порвал. Сразу, как ты ушла.

Я посмотрела на него. Хотелось рассмеяться ему в лицо. Или ударить. Или просто плюнуть.

— Ты порвал? Как трогательно.

Я пошла к посту медсестры.

— Вера Степановна, — медсестра подняла голову и улыбнулась. — Хорошие новости. Он открывал глаза ночью. Спрашивал вас.

— Можно к нему?

— Да, конечно. Только недолго. И тихо.

Я обернулась к Глебу. Он стоял в двух шагах от меня.

— Пойдем, — сказала я коротко. — Пойдем вместе.

Он не поверил сначала. Смотрел и не верил.

— Ты серьезно?

— Глеб, наши с тобой проблемы не должны касаться нашего сына. Не сейчас.

Он кивнул. Улыбнулся. Криво, жалко, но улыбнулся.

Мы вошли.

Стас лежал на высокой больничной койке, весь в трубках, проводах, бинтах. Лицо бледное, под глазами синева, губы потрескались. Но глаза... глаза были открыты.

Он посмотрел на нас. Перевел взгляд с меня на Глеба, с Глеба на меня. И вдруг слабо, еле заметно улыбнулся.

— Мам... пап... — прошептал он. — Вы пришли.

— Конечно, сынок, — я подошла, взяла его за руку, наклонилась, поцеловала в лоб, куда не доставали трубки. — Если бы ты знал, как мы волновались.

Глеб встал с другой стороны. Положил руку ему на плечо — осторожно, боясь сделать больно.

— Привет, герой, — сказал он. Голос сиплый, чужой. — Напугал ты нас.

— Я к тебе ехал, пап. Я звонил тебе. Ты не брал трубку.

Глеб дернулся, как от пощечины. Я молчала. Смотрела на сына и молчала.

— Телефон разрядился, — выдохнул Глеб.

— Ага, — Стас прикрыл глаза на секунду, потом открыл снова. — Мам, не реви.

Я и не заметила, что по щекам текут слезы. Кивнула, утерлась свободной рукой.

— Я так волновалась, сынок, — я понимала, что нужно

успокоиться, но получалось это плохо.

— Представляю, — он слабо улыбнулся. — Ты у меня всегда волнуешься. Это нормально. Я же твой сын.

Я сжала его пальцы. Такие родные, такие теплые. Живые.

— Все нормально. Я жив, — он слабо сжал мои пальцы. И вдруг нахмурился. — Мам, пап, я вспомнил. Меня подрезали. Это не сам я. Не случайно все это произошло.

Я замерла. Глеб замер тоже. Мы переглянулись.

— Что значит не случайно? — спросил Глеб. Его голос стал напряженный, металлический.

— А то и значит, — Стас попытался приподняться, но застонал и откинулся обратно. — Я выезжал с второстепенной, притормозил, смотрел по сторонам. А он будто ждал. Большой черный внедорожник, тонированный. Я краем глаза увидел, как он резко взял вправо прямо передо мной. Я начал уходить в сторону и слетел на обочину и в столб.

— Ты номера запомнил? — спросила я, чувствуя, как внутри все холодеет.

— Нет, мам. Не до того было. Я только цвет и что большой. Джип или "лексус", не разобрал. Но он специально это сделал. Он хотел, чтобы я влетел.

— Сынок, не напрягайся, — я погладила его по руке. — Ты отдыхай. Мы разберемся.

— Отдыхай, — повторил Глеб, но как-то неуверенно. — Главное, что ты жив.

Я поцеловала Стаса еще раз, в щеку. Кожа горячая, пахнет

больницей и потом, но такой родной, что хочется прижать и не отпускать.

— Мы пойдем, сынок. Тебе отдыхать надо. Врачи сказали — нельзя долго. Мы еще придем.

— Вы главное не переживайте, — Стас перевел взгляд на меня. — Мам, я серьезно. Все будет хорошо. Я сильный.

— Знаю, сынок. Ты у меня сильный.

Мы вышли в коридор. Я закрыла дверь и повернулась к Глебу.

— Говори.

— Что говорить?

— Не ври мне, Глеб. Я видела твое лицо. Ты знаешь, кто это. Или догадываешься.

Он молчал. Отводил глаза. Я знала этот взгляд — за двадцать пять лет я изучила Глеба, как себя. Так он смотрел, когда врал. Когда скрывал. Когда боялся.

— Это из-за твоего бизнеса, да? — Мой голос звучал глухо, будто издалека. — Кто-то из твоих партнеров? Или конкуренты? Ты втянул сына в свои разборки.

— Вера, я не знаю точно... Я должен одному человеку. Крупно должен. Но чтобы так...

— Ты думаешь на него?

Глеб провел рукой по лицу. Вдохнул тяжело, как загнанный зверь.

— Не знаю. Может, он. А может, кто другой. Я многим должен, Вера. Я... я влез в долги. Думал, раскручусь, отдам.

А они предупреждали... говорили, что если не отдам в срок...

— Кто они?

Он сглотнул. Отвел взгляд. И вдруг выпалил:

— Каверин. Константин Каверин. Он первый, кому я должен. Может, это и не он вовсе. Может, кто другой. Я не знаю, Вер. Честно, не знаю.

Я смотрела на этого мужчину — отца моего сына, с которым прожила двадцать пять лет, — и не узнавала. Чужой человек. Опасный чужой человек, который принес беду в наш дом.

— Ты знал, — прошептала я. — Ты знал, что нам может грозить опасность, и ничего не сказал. Ни мне. Ни сыну.

— Я думал, что справлюсь сам.

— Сам? — Мой голос сорвался на крик, и я вовремя прикусила губу — рядом реанимация, нельзя шуметь. — Ты чуть не угробил нашего сына своими "сам"!

— Вера, я все исправлю. Я найду деньги, я поговорю с ним...

— Ты даже не знаешь, он это или нет! — перебила я. — Ты просто ляпнул имя, потому что испугался!

Глеб молчал. Смотрел в сторону.

Я отвернулась и пошла по коридору. Надо было думать. Надо было искать помощь. Надо было что-то делать.

— Вера, стой! — Глеб догнал меня, схватил за локоть. — Я все исправлю! Я найду деньги, разберусь...

Я вырвала руку и пошла дальше, не оборачиваясь.

Глава 6.

Шаги гулко отдавались в пустом коридоре. Надо было выйти на воздух. Немедленно. Иначе я задохнусь здесь, среди этих белых стен, среди лжи и страха, которые накрыли меня с головой.

Я толкнула тяжелую дверь и вышла на крыльцо. Холодный воздух ударил в лицо, но легче не стало. Я оперлась о перила, пытаюсь отдышаться, и тут услышала цоканье каблучков.

— О, а вот и та самая Вера! Брошенная женушка.

Я подняла голову. На крыльце стояла Алина. Дорогое пальто с меховым воротником, идеальный макияж, волосы уложены так, будто она не в больницу приехала, а на светскую вечеринку. В руке — тонкая дамская сумочка, на губах — снисходительная улыбка.

Я молчала. Просто смотрела на нее, хотя внутри все кипело от желания вlepить ей пощечину.

— А я к Глебушке, — пропела она, приближаясь. — Вы не подскажете, где его найти? А то он трубку не берет. Наверное, занят. Или нервничает. Он такой ранимый, когда переживает.

Она остановилась рядом, достала зеркальце, поправила идеальную прядь. Даже не смотрела на меня — разглядывала себя.

— Вы знаете, Вера... можно я без отчества? Мы же почти

родственники теперь. — Она хмыкнула. — Я все хотела с вами поговорить. Без сцен, без истерик. По-взрослому.

Я продолжала молчать. Она восприняла это как приглашение продолжать.

— Вы поймите, я ничего против вас не имею. Правда. Вы хорошая женщина, хозяйственная, наверное. Глеб говорил, вы борщи там варите, рубашки стираете. Это ценно. Для своего возраста вы вообще отлично выглядите.

Она сделала паузу, будто ждала благодарности.

— Но поймите и вы, — продолжила Алина, убирая зеркальце. — Глеб с вами уже давно не живет. По-настоящему не живет. Вы для него — привычка. Уют. Как тапочки домашние. А я — любовь. Он ко мне приходит и дышит, понимаете? Он со мной оживает.

Она говорила это спокойно, даже ласково, будто объясняла ребенку сложную задачку. И от этой ее ласковости мне еще больше хотелось ее ударить.

— Он мне говорит: «Лина, ты моя муза». А вам он что говорит? «Вер, ужин готов?» — Алина рассмеялась коротко. — Так что не надо на меня злиться. Я не разлучница. Я просто та, кого он любит. А вы... вы просто женщина, которую он разлюбил. Это жизнь, Вера. Все течет, все меняется.

Она выдержала паузу, давая мне переварить, и вдруг добавила с той же сладкой улыбкой:

— И да, я беременна. От Глеба. Так что теперь точно пора освобождать место. Чтобы малышу никто не мешал.

Мир качнулся. Внутри что-то оборвалось, но не от боли — от дикой, ледяной злости. Я сжала перила так, что побелели костяшки.

— Ты закончила? — спросила я тихо.

Алина удивилась. Наверное, ждала слез, истерики, мольбы. А я смотрела на нее и видела только пустоту. Красивую, холеную пустоту.

— Вообще-то да, — она пожала плечами. — Я просто хотела, чтобы вы понимали реальность.

— Реальность, — повторила я. — Хорошо. Тогда слушай мою реальность, девочка.

Я шагнула к ней. Она отступила на полшага — впервые в ее глазах мелькнуло сомнение.

— Ты права. Я варила ему борщи. Я стирала его рубашки. Я рожала ему сына и ночами не спала, когда он болел. Я была ему женой двадцать пять лет. А ты — просто интрижка на стороне, куда он сливал свою похоть, пока я стояла на месте аварии с кровью нашего сына на руках.

Алина побелела. Открыла рот, но я не дала ей вставить:

— И все свои фантазии про любовь засунь поглубже. Любовь — это когда выбирают. Он тебя не выбрал. Он просто спал с тобой в свободное от меня время. И если ты думаешь, что после развода он к тебе прибежит и сделает предложение — ты дура. Таких, как ты, у него будет еще двадцать штук. А я — мать его ребенка. И это, знаешь ли, совсем другой вес.

А ты еще своего роди.

В глазах Алины вспыхнула злость. Она уже собралась ответить, но вдруг за спиной раздался спокойный голос:

— Девушка, если вы не успокоитесь, я вызову полицию.

Мы обе обернулись. На крыльце, прислонившись к стене, стоял Игорь. В белом халате нараспашку, с недокуренной сигаретой в пальцах. Он смотрел на Алину спокойно и устало, как смотрят на надоедливую муху.

— А вы вообще кто? — окрысилась Алина.

— Врач этой больницы, — ответил Игорь ровно. — А это — лечебное учреждение. Здесь люди лежат, некоторые в реанимации. А вы тут цирк устраиваете. Поэтому либо вы проходите внутрь по делу, либо уходите. Иначе я вызову полицию. Честное слово.

Алина замерла, сверля его взглядом. Хотела что-то сказать, но передумала. Фыркнула, поправила сумку на плече.

— Ладно. Пойду найду Глеба. Он-то мне рад будет. — И уже с порога обернулась ко мне: — А вы, Вера, запомните: мужчины уходят от таких, как вы, к таким, как я. Потому что с нами интересно. А с вами — скучно. Просто удобно.

Она толкнула дверь и скрылась в больнице. На крыльце повисла тишина. Я выдохнула и только сейчас заметила, что у меня трясутся руки.

— Красивая девушка, — заметил Игорь спокойно. — И пустая, как барабан. Такие часто бывают красивыми.

Я посмотрела на него. Он курил, глядя куда-то вдаль, на серое больничное небо.

— Слышали все? — спросила я.

— Достаточно, — кивнул он. — Чтобы сделать выводы.

— И какие?

Он повернулся ко мне. В серых глазах — ни капли жалости, только спокойное, мужское уважение.

— Вы сильнее, чем думаете. И намного интереснее, чем она. Просто вы забыли об этом. А она об этом даже не догадывается.

Я усмехнулась горько.

— Врач, вы психолог по совместительству?

— Нет, — он улыбнулся краешком губ. — Просто мужик, который видел много женщин. И вранье и правду отличать научился.

Он затушил сигарету и спросил:

— Вы уже уходите?

— Да, я уже ухожу, — ответила я, поправляя сумку на плече. — Спасибо вам, доктор, за все.

Он пожал плечами, будто ничего особенного не сделал.

— Это моя работа, Вера Степановна.

Дневное солнце ударило в глаза, заставляя сощуриться. Я спустилась с крыльца и пошла по больничной аллее к останковке. Вокруг спешили люди, шуршали машины, где-то кричали дети — обычная жизнь, которая шла своим чередом, несмотря на то, что у меня внутри все перевернулось.

Я остановилась у скамейки, перевела дыхание. В голове крутилось одно: Стас жив. Это главное. А все остальное —

Алина, Глеб, его долги, черный джип — это все решается.

Я достала телефон, набрала Ленку.

— Лен, привет. Я вышла из больницы.

— Ну как он? — выдохнула она в трубку.

— Жив. В сознании. Разговаривает.

— Слава богу! — Ленка перевела дух. — А ты куда сейчас? Ко мне?

Я посмотрела на небо. На часы. На свои руки, которые наконец перестали трястись.

— Нет, Лен. Я хочу пройтись. Нужно мысли в порядок привести. Тут такое случилось, не могу в себя прийти. У меня крыша едет.

— Что еще? — в голосе подруги мгновенно включилась тревога. — Вер, не молчи.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь унять дрожь в голосе, но она все равно прорвалась:

— Я на крыльце эту встретила. Алину. Любовницу Глеба. Она прям к больнице приперлась, вся такая при параде, губы накрасила...

— Чего? — Ленка аж задохнулась. — Да, что она себе позволяет, эта шалава!

— Ой, Лен, сил моих больше нет. Подошла и давай вещать, какая я удобная жена-тапочки, а она — любовь всей жизни. Что Глеб со мной скучает, а с ней оживает, что я должна освободить место...

— Вот тварь! — перебила Ленка. — Ты хоть по лицу ей

дала?

— Нет. Стояла как дура, слушала. А под конец она говорит... — голос сорвался, пришлось остановиться и сглотнуть ком. — Говорит: «Я беременна, Вера. От Глеба. Так что освобождайте место».

В трубке повисла тишина. Секунда, вторая, третья. А потом Ленка выдохнула так, будто сама получила удар под дых:

— Чего-чего?

— Беременна, Лен. Ребенка от него ждет. Представляешь? Пока я здесь под дверями реанимации сидела, пока кровь сына с асфальта стирала, они там ребенка делали.

— Сука... — протянула Ленка с такой ненавистью, что мне даже страшно стало. — Сука она, Вер. И он козел. Прости, но я по-другому не могу. Как он вообще? Как он смеет?

— А никак, — усмехнулась я горько. — Он даже не знает еще. Или знает, но молчит. Какая разница.

— Ты как? Держишься?

Я посмотрела на небо. Серое, низкое, но где-то там, за тучами, все равно светило солнце.

— Держусь. Стас жив — значит, и я справлюсь. А эти... пусть катятся. Вместе со своим ребенком, с любовью, со всем дерьмом.

— Золотые слова, — Ленка вздохнула. — Слушай, давай я сейчас приеду? Могу такси вызвать, через полчаса буду.

— Не надо. Ты на работе нужна. А я пройдуся. Я к тебе вечером приеду. Если можно.

— Дура, что за вопрос? Конечно можно. Мы же уже договорились. Напьемся, если надо.

— Не надо напиваться, — улыбнулась я сквозь слезы. — Просто чаю с мятой. И чтобы ты рядом была.

— Будет тебе чай, — пообещала Ленка. — И мятный, и ромашковый, и с бергамотом. Выбирай. Держись, подруга. Ты у меня сильная.

— Знаю.

Я убрала телефон в сумку и пошла к выходу из больничного парка. Солнце грело плечи, ветер шевелил волосы, и впервые за эти сутки я почувствовала, что могу дышать. Ровно. Глубоко. Без всхлипов.

Стас жив. А значит, я справлюсь. А Глеб с его новой семьей... это теперь не моя головная боль. И пусть катятся к черту.

Я вышла за ворота и просто пошла.

Глава 7.

Ноги сами понесли куда-то, без цели, без направления. Весь мой маленький мирок рухнул за один день, остался только холодный воздух, серое небо и пустота внутри.

Я шла по тротуару вдоль дороги, мимо припаркованных машин, мимо спешащих куда-то людей. Они смотрели в свои телефоны, пили кофе на ходу, смеялись, о чем-то переговаривались — обычная жизнь, которая шла своим чередом. А я плыла мимо них, как призрак, как тень, которую никто не замечает.

Свернула в парк. Здесь было тише. Старые липы тянули голые ветки к небу в ожидании тепла и солнца. Скамейки пустовали — будний день, люди на работе. Только где-то вдалеке молодая мама качала коляску, тихо напевая.

Я смотрела на нее и вдруг почувствовала, как защипало глаза. Она была такая спокойная, такая счастливая в своей обыденности. А я... я бы отдала все, чтобы сейчас просто качать коляску с моим малышом. Чтобы ему было три месяца, а не двадцать два года. Чтобы можно было взять его на руки, прижать к груди и защитить от всего мира. А он сейчас там, под капельницами, и я ничего не могу сделать — только ждать.

Я вспомнила, как он родился. Крошечный, красный, сморщенный. Как я боялась брать его на руки — вдруг сло-

маю. Как он впервые улыбнулся мне во сне. Как пошел. Как сказал первое "мама". Как в пять лет принес с улицы бездомного щенка и плакал, когда мы отдали его соседям. Как в десять разбил коленку и просил не жалеть, "я же мужчина". Как в пятнадцать влюбился впервые и прятал от меня глаза.

А теперь он лежит в реанимации, и неизвестно, когда встанет. И встанет ли вообще.

Я зажмурилась, прогоняя страшные мысли. Нет. Не смей. Он встанет. Он сильный. Мой мальчик.

Ждать. Самое страшное слово на свете.

Я остановилась у пруда. Вода стояла темная, неподвижная, как зеркало. В ней отражалось то же серое небо, те же голые деревья. Красиво. До слез красиво. Или это просто слезы уже подступают, ищут повод вылиться?

Я села на скамейку. Руки замерзли, хотя на мне было теплое пальто. Я сунула их в карманы и наткнулась на что-то бумажное. Вытащила — чек из супермаркета. Позавчерашний. Мы с Глебом заезжали за продуктами перед тем, как все рухнуло. Покупали его любимый сыр, мой хлеб, йогурты для Стаса. Обычный семейный набор. Я смотрела на этот чек и не понимала, как такое возможно. Как можно вчера покупать сыр, а сегодня...

Слезы потекли сами. Я даже не пыталась их вытирать. Пусть. Здесь никого нет. Можно просто сидеть и плакать, глядя на эту темную воду, на эти голые ветки, на это безнадежное небо.

Я плакала о Стасе. О том, как он лежит там, белый, чужой, в этих дурацких трубочках. О том, что я не могу быть рядом, не могу держать его за руку, гладить по голове, шептать, что все будет хорошо.

Я плакала о Глебе. Не о том, который предал, а о том, которого я любила двадцать пять лет. О том парне с гитарой, который дарил цветы без повода и мог посреди ночи поехать за клубникой. О том Глебе, которого больше нет. И, кажется, никогда не было. Был просто мираж, красивая картинка, за которой оказалась пустота.

Я плакала о себе. О той Вере, которая верила, ждала, терпела. Которая прощала командировки и ночные звонки, которая придумывала оправдания его равнодушию. Дура. Какая же я была дура.

А еще я плакала от усталости. Просто от дикой, выматывающей усталости, когда не можешь уже ни думать, ни чувствовать, только сидеть и смотреть в одну точку, пока слезы катятся по щекам.

Двадцать пять лет. Четверть века. Я вспомнила тот день, когда мы познакомились. Он пришел в гости к моему брату, такой уверенный, красивый, в кожаной куртке, с гитарой наперевес. Я влюбилась с первого взгляда. Дура. Влюбленная дура.

Я снова провалилась в прошлое. Наша первая квартира — маленькая, в хрущевке, с обоями в цветочек, которые я клеила сама. Глеб тогда работал на трех работах, я тоже не

сидела дома, мы выживали, но были счастливы. Помню, как он купил мне цветы просто так, без повода. Просто зашел в подземный переход и купил. Розы, красные, длинные. Я поставила их в банку, потому что вазы не было, и плакала от счастья.

А потом появились деньги. Квартира побольше, машина, дача, рестораны. И цветы перестали быть просто так. Только на Восьмое марта и день рождения. И то — по пути с работы, в ларьке у метро, откуда-нибудь по пути.

Когда он перестал меня любить? Когда я превратилась из женщины в функцию? Из жены в домработницу? Из любимой в удобную?

Или я просто не замечала? Закрывала глаза, придумывала оправдания, делала вид, что все хорошо. Потому что боялась остаться одной. Потому что двадцать пять лет — это не шутка.

Сколько я так просидела — не знаю. Может, пять минут, может, час. Время потеряло смысл. Оно измерялось не часами, а ударами сердца. Ту-тух. Ту-тух. Ту-тух.

Мимо прошла пожилая женщина с палочкой, остановилась, посмотрела на меня.

— Дочка, тебе плохо? Может, скорую вызвать?

Я покачала головой, вытирая слезы рукавом.

— Нет, спасибо. Я просто... просто устала.

Она постояла еще секунду, вздохнула и пошла дальше. Что она могла сделать? Чем помочь чужой женщине, кото-

рая плачет на скамейке в парке? Ничем. Только не мешать.

Я поднялась. Ноги затекли, спина ныла. Холод пробрался под пальто, заставил поежиться. Надо идти. Нельзя застыть здесь, как тот памятник несчастной женщине. Надо двигаться, надо жить, надо быть сильной. Хотя бы ради него.

Я пошла дальше по аллее. Мимо детской площадки — пустой, качели замерли в ожидании детей. Мимо киоска с мороженым — закрыт, не сезон. Мимо скамеек с одинокими стариками, которые читали газеты и смотрели на мир с усталым равнодушием.

Вышла из парка, оказалась на какой-то незнакомой улице. Дома, магазины, аптека, снова дома. Город жил своей жизнью, равнодушный к моему горю.

Я остановилась у витрины. Там, за стеклом, продавались платья — красивые, яркие, праздничные. А я стояла в том самом пальто, в котором вчера примчалась в офис к Глебу. На рукаве до сих пор темнело пятно — кровь Стаса? Или просто грязь? Я не знала. И не хотела знать.

Интересно, я когда-нибудь еще смогу надеть красивое платье? Пойти куда-то, не в больницу, не по делам, а просто так — гулять, смеяться, жить? Или теперь навсегда останусь здесь, в этом сером дне, с этой болью в груди?

Глупые мысли. Конечно, смогу. Надо только пережить это. Пережить, перетерпеть, переждать. Как всегда.

Я достала телефон. Экран засветился, показывая время — почти два часа. Час прошел. Или два? Неважно.

Ленка. Надо ехать к Ленке. Там тепло, там чай, там плечо, в которое можно уткнуться и не бояться, что осудят.

Я поймала такси. Села на заднее сиденье, назвала адрес. Водитель кинул быстрый взгляд в зеркало заднего вида — наверное, заметил опухшие глаза, мокрые щеки — но промолчал. Умный человек.

За окном снова поплыл город. Люди, дома, машины. Обычная жизнь. А я ехала к единственному человеку, который мог сделать эту жизнь чуточку выносимее.

Ленка. Моя подруга. Моя опора. Мое спасение в этом сошедшем с ума мире.

Я закрыла глаза и прислонилась головой к стеклу. Мысли путались, усталость наваливалась тяжелым одеялом.

Но где-то глубоко внутри, под этой усталостью и болью, теплилось маленькое упрямое пламя. Стас жив. А значит, я справлюсь.

Я справлюсь. Обязательно справлюсь.

И тут в моей голове возникла мысль.

Каверин.

Я открыла глаза и посмотрела в окно такси. Город проплывал мимо — огни, вывески, где-то там, в этой вечной суете, ездили люди, спешили по домам, смеялись, жили.

А Стас... Стас лежит в реанимации. Один. Под капельницами, под приборами, под этим белым безмолвием. И я ничего не могу сделать — только ждать.

Мысль не отпускала. Каверин.

Криминальный авторитет, про которого в городе рассказывают шепотом. Человек, которому Глеб задолжал столько, что расплачиваться приходится жизнью сына.

Я представила его. Наверное, толстый, с золотыми цепями, с противными маленькими глазками. Сидит в своем кабинете, попивает коньяк и отдает приказы: этого убрать, тому — по почкам, а сына должника — под машину. Чтоб неповадно было.

Интересно, он знает, что Стас выжил? Что мальчик видел машину, которая его подрезала? Что теперь я знаю, кто он и где его искать?

Наверное, нет. Иначе прислал бы кого-то в больницу. Добить.

В голове запульсировала одна мысль: Каверин. Он должен ответить. Он чуть не убил моего сына.

И тут меня как током ударило. А почему, собственно, я еду к Лене? Чтобы прорыдать ей в жилетку всю ночь? Чтобы она меня утешала и говорила, какой он козел? Я это и без неё знаю. Нет. Хватит. Хватит быть тряпкой, которая тихо страдает в углу. Я должна разобраться в этой истории и я все выскажу этому Каверину. Прямо сейчас. Пока злость не остыла и не сменилась привычной тупой болью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.